

Его глаза встретились с моими, и он открыто ухмыльнулся, после чего просто коснулся своей палочкой верхней части чёрных песочных часов и головы чёрного короля, а затем повторил процедуру с белыми фигурами.

Маленький ублюдок. Я мысленно выругался: сделав всё молча и без видимых мне движений палочкой, он фактически лишил меня возможности узнать что-то новое.

...

"Хотите спичку?" - повторил он с хитрым видом, кричащим "да, я скрыл то, что вы хотели увидеть, мы оба теперь это видим, смиритесь".

А может, меня просто чертовски раздражает это маленькое дерьмо. Я нахмурился, прежде чем передвинуть ферзевую пешку на два места вперед, наблюдая за белым песком в песочных часах, который на мгновение потек, но тут же остановился, когда моя фигура приземлилась на свое место.

"Пешка B6", - хмуро ответил он, и мои глаза расширились, когда я увидел, что его песок совсем не течет.

Я двигался без раздумий, следуя своему обычному распорядку. Если вы отдаете приказ, песок не движется? Я совсем забыл, что шахматные доски живые!

"Слон B5".

"Конь F3". Я подхватил его метод и с удовлетворением смотрел, как песчинки не двигаются с места в моих песочных часах.

Мой взгляд ненадолго нашел глаза Риддла, после чего я полностью вернул свое внимание к игре, мои губы дернулись вверх. Это будет весело, пока я не найду способ убить этого маленького засранца.

Я не знал, когда именно появились пулевые шахматы, поскольку знал только, что компьютеры начали стабильно выигрывать у людей в 1997 году, и это была еще одна бесполезная мелочь, которая сейчас была еще более бесполезной, чем в моей прошлой жизни.

Самое неприятное, что Риддл играл так, будто привык к таким быстрым матчам, что, учитывая его короткий хмурый взгляд, когда я заговорил о "минутном матче", было полным бредом. Чистая и простая.

"Если бы ты хотел узнать, как зачаровывать, то лучше бы спросил напрямую", - небрежно заметил он в конце первой партии, в которой он вроде как вырвал ничью.

Я собираюсь его придушить. Я вздохнул, сдерживая свой инстинктивный ответ.

Кто бы мог подумать, что планировать смерть тринадцатилетнего волшебника будет так инстинктивно?

...

Через три недели после начала семестра Гораций Слизнорт, мастер зелий, профессор зельеварения, глава дома Слизерин и просто гедонист, шёл в своём темпе по скудно освещённому Хогвартсу, наострив уши и зачаровав глаза, чтобы даже в темноте улавливать

присутствие студентов, гуляющих после комендантского часа, а его мысли свободно блуждали от одной мысли к другой.

Не стоит сейчас раскрывать свое положение в Люмосе, верно?

Ему очень нравилось использовать свои навыки общения. Не то чтобы он в них нуждался, ведь на данный момент он был достаточно сильным волшебником и, если бы начал производить зелья на продажу, мог бы жить вполне безбедно.

Ему не нужны были влиятельные друзья, чтобы жить в роскоши. Но ему нравилось отбирать самых ярких представителей каждого поколения, помогать им, когда они были молоды и не имели намерения, предвкушая привилегии, которые появятся, когда эти ученики начнут действительно блистать в широком мире.

Ему нравилось хвастаться своими "друзьями" по всему миру, нравилось уважение и завуалированная, косвенная власть, которую давало обладание ушами стольких людей, и он наслаждался простыми радостями жизни.

То тут, то там он срывал листья с теплиц, иногда "помогал" профессору по уходу за магическими существами и таким образом получал бесплатные и свежие ингредиенты.

Перепродажа тех, пусть и немногочисленных, идеальных зелий, которые удавалось сварить его студентам. В течение каждого дня своей жизни он получал благодарность в самых разнообразных формах.

Ему даже нравилось иногда задерживать учеников - это была его несколько подлая привычка, но ученики в некоторой степени были справедливы, если их немного жестко отчитывали.

А если он использовал такой случай, чтобы проверить, нет ли у напыщенного студента скрытого таланта в той или иной области магии... что ж, это было полезно для всех, не так ли?

Гораций заметил яркий интеллект Тома Риддла уже в первый месяц его пребывания в Хогвартсе, и с тех пор профессор с удовольствием наблюдал за постоянной, тихой любознательностью талантливого юноши, часто задаваясь вопросом, не это ли чувствовали профессора Альбуса, когда учили его.

Странности случались то тут, то там, магия не была бы таковой, если бы не имела своих маленьких причуд, в конце концов, и хотя Гораций немного "отступал" от своих правил и помогал тому или иному Наследнику, чтобы сохранить дружеские связи с новым поколением Лордов, он прекрасно понимал, что не стоит ожидать появления такого, как Том Риддл, до конца его пребывания в Хогвартсе.

Гораций хмыкнул, прогуливаясь по темным коридорам Хогвартса и заставляя себя завершить патрулирование, несмотря на общее отвращение к этому занятию.

Именно для этого, по крайней мере, по его мнению, и были созданы префекты. Позволить молодым волшебникам и ведьмам свободно разгуливать по ночам - очевидный рецепт катастрофы, это он знал, но это не означало, что ему понравится просыпаться до рассвета.

Конечно, он мог бы заняться некоторыми зельями, которые лучше готовить ночью, или перед завтраком, но это все равно было убийством для его цикла сна.

Ну что ж, - вздохнул глава Слизеринского Дома, - небольшая доза Снотворного зелья не

сможет быстро исправить ситуацию. С очередным раздражённым звуком он начал подниматься на Астрономическую башню, быстро погружаясь в самоанализ и бессмысленные размышления о своей жизни, оценивая результаты, которых он добился на данный момент.

Он не смел и надеяться, что когда-нибудь встретит другого ученика такого же уровня, как Том, пока не появился этот удивительно высокий первокурсник. Рубеус Хагрид.

В голове возник образ неоправданно высокого Слизеринца: лохматые тёмные волосы и в целом неопрятный вид, чёрные глаза, готовые, казалось, поглотить любую интересующую его частичку магии, не скрывающие острого ума.

Помимо того, что он обычно вел себя на уроках беспокойно, по крайней мере, если судить по тому, что время от времени говорили коллеги Горация, он был несомненно одаренным. Нет, одаренность - не то слово: он усваивал принципы работы магии так же быстро, как и сталкивался с ними.

Это понимание проявлялось во всех его сочинениях, в которых органично сочетались различные направления магии.

Так, буквально за неделю до этого Горацию довелось прочитать одно из его эссе по астрономии, в котором мистер Хагрид с помощью символизма, присущего чарам, объяснял, почему фазы Луны способны влиять на зелье.

Если бы только он умел писать эссе требуемого объёма. Профессор зельеварения задумался, и на его губах заиграла мягкая улыбка. При всей своей пронизательности он, похоже, не желает тратить на эссе больше времени, чем это необходимо.

Он может быть ужасно лаконичным и не утруждает себя доводкой курсовых работ.

Возможно, это и понятно, первокурсника явно раздражал медленный темп выполнения курсовой работы, и поэтому он не хотел тратить много времени на темы, которые, как ему казалось, он легко усвоил. Необычной была его общая незаинтересованность в своих оценках, которые никогда не опускались ниже приемлемых.

Когда профессор Фарси потребовал от Рубеуса написать эссе нужного объема, чтобы не получить неудовлетворительную оценку, нахальный первокурсник просто добавил рисунок механизма, о котором рассказывалось в первой половине пергамента, не видя необходимости расширять свои слова.

Гораций продолжал ковылять по лестнице, пока не добрался до самого верха, слегка покачивая головой в такт нескольким отвратительным заклинаниям, которые неэффективно омывали его дисциплинированный разум.

"Надеюсь, я не помешал...", - начал он, открывая дверь на вершину самой высокой башни Хогвартса, ожидая, что ему предстоит тайная встреча загулявших подростков, но его встретило нечто совершенно иное.

Его непринуждённая весёлая речь, призванная усилить смущение того, кого он заметил, смолкла, пока его глаза рассматривали вершину башни.

Каменная площадка была освобождена от табуретов и деревянных досок, на которые опирались студенты, чтобы составить карту неба, и, несмотря на отсутствие луны на небе, свет звезд казался слишком естественным, показывая незабываемого студента, который занимал

мысли Горация в последнее время.

Рубеус Хагрид, спокойно восседая на увеличенном табурете, медленно, но постоянно помешивал довольно большой железный котел, между котлом и каменным полом спокойно мерцало голубоватое пламя, а прямо над зельем висела широкая изогнутая стеклянная фигура.

Глаза студента подскочили от неожиданности, но он не прекратил своих движений.

"Хорошая ночь для прогулки, профессор? Даже если мы уже почти на рассвете". Он наклонил голову к востоку, где небо начинало терять черноту ночи и становиться темно-синим, медленно, но верно склоняясь к фиолетовому.

<http://tl.rulate.ru/book/96307/3293449>